

ЗА ГРАНИЦЕЙ. Письма изъ Франціи¹⁾.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Уважаемый друг!

Вы желаете узнать подробнѣе о членахъ Арміи Спасенія; сообщу Вамъ, что сама знаю. Но прежде два слова. Секты есть разныя за границей. Я церковная, но не презираю эти развѣтвленія христіанства: въ нихъ много любви къ ближнимъ, не на словахъ, а на дѣлѣ. Выражается это иногда самымъ простымъ способомъ, а человѣку отраднo. Не забуду одного случая: была я въ Цюрихѣ, проѣздомъ. Ночевала въ отелѣ: за плохую комнату и такой же ужинъ взяли съ меня втридорога: видятъ — иностранка. Города этого я совсѣмъ не знала и никого тамъ не имѣла знакомыхъ. А пробытъ здѣсь надо было еще день. Брожу я утромъ по улицамъ наугадъ, чувствую себя довольно скверно. Вижу—кафе особенно пріятнаго вида. Вошла—и очутилась будто среди друзей. Такъ уютно, чисто, всѣ внимательны, дѣвушки въ большихъ бѣлыхъ передникахъ подаютъ завтракъ съ самымъ привѣтливымъ видомъ. Свѣжо, вкусно, дешевизна изумительная. Очевидно, кафе содержится христіанами—сектантами на пользу общую, какъ маленькое доброе дѣло. Это доказываетъ и надпись на стѣнѣ крупными буквами: „Будь благословенъ твой приходъ, милый гость!“—Я отъ души сказала имъ спасибо.

Изъ всѣхъ здѣшнихъ сектъ салютисты—самая значительная.

Многое располагаетъ въ ихъ пользу. Во первыхъ, самая жизнь ихъ, необычная, выходящая изъ узкихъ и надобв-

¹⁾ См. „Бог. Вѣст.“ 1915 г.

шихъ рамокъ житейскаго. Затѣмъ, ихъ демократичность, простота обращенія, ласковое отношеніе къ людямъ, терпѣніе, съ которымъ они переносятъ безчисленныя насмѣшки и, наконецъ, постоянная ихъ память о Богѣ. Все это напоминаетъ первохристіанство. Они и сами, не стѣняясь, приравниваютъ себя къ первохристіанской общинѣ. Внутреннимъ смиреніемъ и признаніемъ грѣховности они не богаты. За то самолюбія внѣшняго, обычнаго въ нихъ не осталось и слѣда. Все подчинено христіанскому поведенію. Къ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ они относятся приблизительно такъ же, какъ относились стоики.—„Люди оскорбляютъ насъ; что же намъ до того? Это ихъ дѣло, а не наше“.

Есть въ Швейцаріи русская княжна, поступившая въ ряды Арміи. Что ее привлекло? Конечно, строй жизни салютистовъ, возможность покончить со всѣмъ условнымъ, что опутываетъ наше существованіе и отдаляетъ отъ идеала христіанской жизни. А у салютистовъ *вся* дѣятельность—идейная и направленная къ двумъ цѣлямъ: пропагандѣ и отвлеченію душъ ближнихъ отъ зла. Пропаганда ихъ—нѣчто, для насъ съ Вами несимпатичное, но для тѣхъ, кто увлеченъ, кто вѣрить, развѣ это не Божье дѣло?

Кстати скажу: слыхала я еще объ одной хорошей дѣвушкѣ въ Россіи. Была она дочерью вице-губернатора и росла, какъ растутъ всѣ дѣвочки въ свѣтскомъ обществѣ. Семью эту близко знала одна моя кузина изъ того же общества. Отецъ этой дѣвочки, Лизы, умеръ, мать ея переехала въ Петербургъ, дѣвочка сдѣлалась взрослою молодою дѣвушкой. Однажды моя кузина встрѣтила ихъ у Исаакія и удивилась серьезному виду Lise. Понаблюдала за ней: дѣвушка стояла—прямая, строгая, не крестясь; лишь одинъ разъ выразительно перекрестилась, когда пѣли: „и въ Духа Святаго, Господа животворящаго“. Вскорѣ послѣ этой встрѣчи Lise поступила въ больницу сестрой милосердія и работала тамъ дни и ночи, безъ оборота на свое прошлое. Она сдѣлалась при этомъ сектанткой. Какую—я не могла узнать.

Подобныя идейныя дѣвушки, русскія или англичанки могутъ въ Арміи Спасенія жить вполне сообразно идеалу. Что же касается большинства французенокъ-салютистокъ, то мнѣ кажется, маленькая струйка обыденности у нихъ должна входить даже и въ такую жизнь.

Напрашивается сопоставленіе. Католическія монахини, ухаживающія за больными, ведутъ жизньъ еще выше. О самоотверженности и неистощимомъ терпѣніи „сестеръ“ единогласно свидѣтельствуютъ врачи; самыя отчаянныя атеисты изъ медиковъ признаютъ съ уваженіемъ душевную красоту этихъ женщинъ. Отчего же не монахиней сдѣлалась наша княжна, отчего и другіе идейные люди идутъ въ Армію Спасенія, а не въ монастырь?

Помимо иныхъ, быть можетъ важнѣйшихъ причинъ, я думаю—тутъ играетъ роль и широкая реклама салютистовъ.

Возьмите у насъ: изъ большой публики кто знаетъ монастырь матери Екатерины въ Лѣспѣ, весь стоящій на подвигѣ любви къ ближнимъ? Кому извѣстенъ этотъ святой пріютъ для душъ, жаждущихъ дѣятельнаго христіанства? Многіе ли освѣдомлены въ Россіи даже о монастырѣ почившей великой княгини Александры Петровны и ея подвигахъ? Вотъ что значитъ отсутствіе всякой рекламы.

А салютисты трубятъ о себѣ, иногда въ буквальномъ смыслѣ. Предлагаютъ на улицахъ и въ кафе нумера своей газеты „Впередъ“. Хочешь, не хочешь—услышишь о нихъ.

Враги ихъ именно и ставятъ имъ въ упрекъ эту страсть къ рекламѣ и то, что они „выносятъ религію на улицу“. Относительно послѣдняго, мнѣ кажется, это напротивъ, хорошо: напоминать людямъ, чтобъ они и въ суетѣ обычныхъ дѣлъ не забывали, что Богъ есть и все видитъ. У насъ ходятъ съ кружками и тарелочками собирать на улицѣ, да. Но сказать живое слово о Богѣ и не умѣютъ, и не принято. Какъ жаль!

Одни изъ офицеровъ Арміи живутъ постоянно на пунктахъ, другіе, болѣе высокіе чины объѣзжаютъ всѣ пункты, руководя рядовыми и читая проповѣди на собраніяхъ. Рѣчи эти замѣчательны. Какая въ нихъ близость къ жизни, какъ онѣ отвѣчаютъ самымъ задушевнымъ мыслямъ и чувствамъ! Вотъ ужъ гдѣ вы не найдете ни тѣни шаблона. Салютистъ и улыбнется, и расскажетъ примѣръ изъ повседневной жизни, оставивъ въ покоѣ Авраама и Іакова, и освѣтитъ какой-нибудь незамѣтный случай съ христіанской точки зрѣнія такъ, что онъ выйдетъ и важнымъ и трогательнымъ. Слушая ихъ, чувствуешь, что Господь близко, что Онъ съ нами въ каждомъ

добромъ движеніи сердца, во всѣхъ мелочахъ ежедневнаго существованія,—и не умомъ только понимаешь это, а именно чувствуешь умиленнымъ сердцемъ!

Одинъ лишь тягостный диссонансъ звучитъ въ этихъ прекрасныхъ рѣчахъ—постоянные нападки на Церковь.

Что касается мистики—она отсутствуетъ, если не считать мистикой родъ публичнаго покаянія, совершающагося у салютистовъ. На собраніи, среди молитвъ и поученій, они вызываютъ съ эстрады желающихъ „отдаться Богу“. Иные, тронутые, выходятъ изъ рядовъ и опускаются на колѣни у эстрады, закрывъ лицо и облокотившись на такъ называемую скамью кающихся, лицомъ къ эстрадѣ. вмѣстѣ съ такимъ кающимся молятся обрадованные салютисты, но исповѣди нѣтъ. Затѣмъ его поздравляютъ, какъ послѣ причастія. Впрочемъ, если кто изъ офицеровъ впадетъ въ грѣхъ, то сказывается объ этомъ товарищамъ, кому желаетъ, тѣ вмѣстѣ съ нимъ молятся о прощеніи и восстановленіи его души, молятся долго, иногда половину ночи. Отпущенія грѣховъ въ томъ и другомъ случаѣ, конечно, не бываетъ. Человѣкъ, „отдавшій себя Богу“ на скамьѣ кающихся, исправляется съ этого времени или считается исправившимся и, такъ сказать, „прихожаниномъ“ салютистовъ, но не считается вступившимъ въ Армію вслѣдствіе этого акта.

Признаюсь, я совершенно не уясняю себѣ смысла и цѣли такого выхода на скамью. Другіе понимаютъ это. Славина въ первый же вечеръ послѣ собранія сказала мнѣ: „еслибъ я вѣрила—вышлабы“. Рассказываютъ и о другой,—русской еврейкѣ, —которая была такъ увлечена проповѣдью, что на зовъ салютистовъ, поднялась уже съ горящими глазами, чтобъ идти къ эстрадѣ. Ее насилу удержали товарищи. А это была студентка. Сколько религіознаго таится въ глубинѣхъ человѣческихъ душъ, несмотря ни на что!

Во всякой странѣ, гдѣ появлялись салютисты, начиналось съ того, что ихъ гнали и преслѣдовали, но они, тѣмъ не менѣе, всюду проникали, и разъ устроившись въ одномъ пунктѣ, быстро начинали открывать и другіе. Въ Швейцаріи католическая толпа, возбуждаемая духовенствомъ, осыпала офицеровъ Арміи бранью, палками и камнями. Терпѣніе ихъ и настойчивость все превозмогли. Но патеры вообще ихъ чураются, да и салютисты платятъ имъ открытою не-

приязнью. Въ своемъ журналѣ они бросаютъ дерзкій вызовъ всѣмъ „такъ называемымъ религіямъ“. Разъ салютистка, говоря о Швейцаріи, сказала: „тамъ *хорошіе католики*: насъ тамъ очень преслѣдовали, намъ было очень трудно утвердиться“... Очевидно она не допускаетъ для хорошаго католика возможности сочувствовать дѣлу Арміи Спасенія. Печальная вещь—эта вражда между собою людей, исповѣдующихъ одно и тоже имя Христово.

„Гдѣ за вѣру споръ,
„Тамъ, какъ вѣтромъ соръ,
„И любовь, и дружба сметены!“

(Ал. Толстой).

Что бы ни было раньше, но теперь салютистовъ вездѣ оставили въ покоѣ и не мѣшаютъ имъ... отвлекать людей отъ самоубійства, отъ пьянства, отъ проституціи, подбирать и воспитывать сиротъ, нести имя Божіе на улицы и въ рестораны, и вмѣстѣ съ тѣмъ — дискредитировать Церковь.

— Во всѣхъ странахъ есть наши отдѣленія, говорятъ они, только въ Россію намъ закрыть входъ; прискорбная ошибка!

Ошибка ли это? Не знаю.

А имъ очень хочется попасть въ Россію.

Познакомилась я съ ними, благодаря Тости. Въ одинъ прекрасный день онъ говоритъ за обѣдомъ.

— Хотите позабавиться? Пойдемъ сегодня на собраніе къ салютистамъ.

— Развѣ туда ходятъ забавляться? спрашиваю.

— Для чего же иного? Они тамъ расцѣвуютъ, гримасничаютъ, одѣтые въ свои мундиры...

— Но въ этихъ мундирахъ, я слышала, они дѣлаютъ много добра.

— Бездѣлицу. И то для рекламы. У меня есть ихъ „Отчетъ“ — я покажу вамъ.

Приноситъ „Отчетъ“.

— Видите: пріюты для падшихъ женщинъ (*maisons de relèvement*). Ихъ 5-ть: въ Нимѣ—на 30 кліентокъ, въ Ліонѣ—на 12, въ Курбевуа—на 20 и въ Брюселѣ на 17. Вѣдь это ничтожныя цифры.

— Но эти дома хорошо поставлены?

— Положимъ и хорошо, это не мѣняетъ дѣла.

— Позвольте, вашъ Отчетъ отъ 1905 года.

— Ну, что же? Съ тѣхъ поръ могло прибавиться два— три такихъ учрежденія. Какое значеніе они могутъ имѣть?.

— Не забудьте, что учрежденія салютистовъ существуютъ на добровольныя подаванія.

— На эти добровольныя подаванія кормятся прежде всего, не работая, они сами. А вѣдь ихъ... цѣлая армія! закончилъ Тости, и довольный своею острою, ушелъ. Я уже подумала: они хотъ—кормятся, но дѣло исполняютъ добросовѣстно; не всегда и это бываетъ...

Неподалеку отъ нашей квартиры я видала надпись „*Amise du Salut*“ надъ темною дверью простого, какъ бы торговаго помѣщенія въ одной изъ улицъ центра.

Вечеромъ мы съ Савиной пришли въ это скромное помѣщеніе, къ этимъ привѣтливымъ людямъ. Мы сидѣли на скамьяхъ, а они, передъ нами, на сколоченной изъ досокъ эстрадѣ, то пѣли, то молились, то говорили поученія. Запѣвала тонкая молодая салютистка, пріѣзжая, или полная болѣе пожилая мѣстная „адъютантка“,—обѣ въ мундирахъ. Имъ вторили, не всегда гармонично, слушатели и слушательницы, сидѣвшіе на скамейкахъ. Сзади слышался нескрываемый смѣхъ: у дверей усѣлось нѣсколько студентовъ, французскихъ и русскихъ, для потѣхи. Тости сдерживался, глядя на насъ. Но салютисты какъ будто не замѣчали фырканыя. Черноволосая, похожая на адъютантку, дѣвочка Марта съ ласковымъ взглядомъ, разносила листки журнала „*En avant*“ и собирала подаваніе. Давали по-малу, за газету тоже платили одно су. Когда все кончилось, адъютантка встала у дверей и всѣхъ проводила поклономъ, улыбкой и добрыми пожеланіями.

Въ концѣ слѣдующаго собранія я остановилась поговорить съ ними и пригласила къ себѣ. Они охотно общались и пришли черезъ день. Ихъ заинтересовала моя національность. Постѣдовало нѣсколько обычныхъ во Франціи пелѣныхъ вопросовъ: лежитъ ли у насъ снѣгъ и лѣтомъ? Весь ли годъ ходимъ мы въ мѣхахъ? Много ли у насъ медвѣдей? и тутъ же: во всѣхъ ли нашихъ деревняхъ проведено электричество? Получивъ отвѣтъ, успокоились, посидѣли часа

полтора въ живой бесѣдѣ, а передъ уходомъ удивили меня: опустились вдругъ на колѣни и прочли своими словами короткую молитву о мнѣ, о всѣхъ, кто мнѣ дорогъ, о Россіи и Франціи... Вы поймете, что это доставило мнѣ большое удовольствіе!

Я стала бывать на ихъ собраніяхъ, а они—заходить ко мнѣ. Участливость ихъ, желаніе всегда сдѣлать мнѣ что-нибудь пріятное, неизмѣнная ласковость прямо удивляли меня. Только близкіе и любящіе родные могли бы такъ отнестись.

Въ Греноблѣ имѣютъ постоянное мѣстопребываніе двое офицеровъ Арміи: мужъ съ женой и дѣтьми. Адъютантка—типъ практичной француженки—*maitresse femme*, доброй вни мательной, но себѣ на умѣ. Она, какъ и мужъ ея, не особенно образована, но это скрадывается ея практической опытностью и наметкой; мужъ ея скорѣе простоватъ, за то онъ симпатичнѣе, открытѣе. Дѣти наивны и прелестны; та особая жизнь, которою живетъ семья, сохранила дѣтскія души въ чистотѣ. Однако въ нихъ уже складываются собственныя мнѣнія: хорошенькій пятнадцатилѣтній ребенокъ, Марта, осмѣлилась сказать матери, что ей хотѣлось бы въ воскресенье повеселиться, какъ веселятся ея подруги по школѣ; что у нихъ слишкомъ много молитвъ въ воскресенье, хотѣлось бы немножко свободы, отдыха. Ну, мать задала ей по-своему. Она притихла; затѣмъ вдругъ опять оппозиція.— „Я заходила въ церковь (протестантскую) тамъ лучше, чѣмъ у насъ. Тоже самое, но гораздо лучше“... Да, матери придется таки поработать надъ ея молодой душой. Она и безъ того ужъ загородила дочку крѣпкими затворами; даже ко мнѣ не отпустила: не довѣряетъ. Мальчики послушнѣе или тупѣе.

Время гренобльскихъ салютистовъ дѣлится между молитвенными собраніями, которыхъ много, посѣщеніями больныхъ и бѣдныхъ и прочими, относящимися къ ихъ профессіи, дѣлами. Мнѣ предложили принять участіе въ посѣщеніяхъ и я ходила нѣсколько разъ съ адъютанткой. Навѣстили мы больную старушку, у которой адъютантка убрала мансарду и натерла ей мазью больныя ноги; это она дѣлала впродолженіе уже 3-хъ мѣсяцевъ. Были также у несчастной матери, сынъ которой пошалъ въ тюрьму за грабежъ. Она и мужъ

ея были всегда честными, уважаемыми людьми и грѣхъ сына тяжело обрушился на ихъ старыя души. Здѣсь участливое посѣщеніе и простая молитва салютистки были истинною милостыней, тѣмъ стаканомъ холодной воды, который не бываетъ забытъ у Бога. Заходили мы еще въ больницу къ одинокой, больной дѣвушкѣ. Раздавали маленькія псалтири и евангелія. Во всѣ прочія посѣщенія адъютантка водила меня къ своимъ знакомымъ салютисткимъ кумушкамъ, и это сопровождалось самой обычной болтовней, лишь одобренной извѣстнымъ оттѣнкомъ.

Въ Отчетѣ, который приносилъ мнѣ Гости, о посѣщеніяхъ говорится такъ: „Наша цѣль — посѣщать на дому семьи, впавшія въ нищету и отчаяніе, и вносить туда вмѣстѣ съ матеріальной и нравственную помощь. Въ такое положеніе попадаетъ по большей части женщина съ дѣтьми, брошенная пьяницей мужемъ. Для насъ тутъ является сложная и деликатная задача: постараться найти пропавшаго, возбудить въ немъ лучшія чувства, дать понять женѣ, что и съ ея стороны были какія-нибудь ошибки, отдалившія мужа, пристроить дѣтей, если это окажется нужнымъ и проч.“.

Такъ какъ подобнаго ничего я не нашла въ посѣщеніяхъ адъютантки и, къ тому же, замѣтила съ ея стороны маленькую неискренность, то и перестала ходить съ ней по городу, но видѣться съ салютистами не перестала.

Въ это время были у насъ друзья: студентъ армянинъ, М—якъ, женатый на русской изъ благородной, воспитанной семьи. И ребенокъ у нихъ есть—дѣвочка. Они тоже иногда посѣщали салютисткія собранія. Обмолвилась я какъ-то адъютанткѣ, что это богатые люди. И вотъ, она начала искать ихъ знакомства. Я не поощряла ее, но она все же познакомилась, и своимъ тактомъ и участливостью обворожила ихъ. И магазинъ рекомендовала хорошій, и съ дѣвочкой поиграла и пригласила на семейную прогулку съ своими дѣтьми. Притомъ она умѣетъ обо всемъ говорить живо и интересно. Словомъ, они подружились.

Люди беззаботные въ матеріальномъ отношеніи, какъ истая чета студентовъ, М—яны по временамъ имѣли много денегъ, а по другимъ временамъ сидѣли безъ гроша. Щедрость ихъ была, кажется, неистошимою, чѣмъ пользовались разныя

француженки изъ окружающаго люда. Эту беспорядочную благотворительность адъютантка скоро прибрала къ рукѣмъ и для своихъ бѣдныхъ уносила уже все, чѣмъ госпожа М—янь не дорожила. Вышло что-то въ родѣ опеки. Разъ, отдавая вещи, М. отложила одно платье, говоря: „это я отдамъ моей прачкѣ; она очень бѣдная“. Адъютантка шутливо и любезно, но настойчиво, стала возражать ей и забрала таки платье къ себѣ. Госпожа М—янь, человѣкъ слишкомъ деликатный, чтобъ спорить, но съ тѣхъ поръ отношеніе ея къ новымъ друзьямъ измѣнилось.—„Знаете, сказала она мнѣ, я думаю, эта мадамъ выпрашиваетъ у меня вещи для того, чтобы раздавая ихъ, привлекать къ себѣ народъ“.

Это вѣроятно такъ и было. Благотворительность для рекламы практикуется, какъ салютистками, такъ равно протестантами и католиками. Всѣ эти три духовныя общества какъ бы дерутся благотворительностью. И бѣдняки это понимаютъ. Есть такія ловкія особы, которыя ходятъ молиться и къ тѣмъ, и къ другимъ, и къ третьимъ, и отъ всѣхъ трехъ обществъ получаютъ субсидію.

Но истинная, постоянно растущая сила Арміи Спасенія заключается не въ мелочной благотворительности и даже не въ молитвенныхъ собраніяхъ, а въ ихъ умѣло и сердечно организованныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Чего у нихъ нѣтъ? И убѣжища для престарѣлыхъ, и сиротскіе дома, и агентства для пріисканія мѣстъ безработнымъ, и дешевыя столовыя, и „дома для поднятія“ падшихъ женщинъ, и наконецъ дома, надъ дверями которыхъ написано:

„Кто намѣренъ покончить съ жизнію, тотъ зайдѣ прежде сюда: это ни къ чему не обязываетъ“.

Человѣкъ заходитъ и уже отсюда его не выпускаютъ такимъ, какой онъ вошелъ: уговорятъ, утѣшатъ, помолятся о немъ и съ нимъ — а послѣ дадутъ ему возможность начать новую жизнь.

Но лучше я приведу Вамъ выдержки изъ Отчета Арміи.

„Главный принципъ нашихъ учрежденій, это — свободное желаніе самого человѣка измѣнить свою жизнь. Мы полагаемъ, что припужденіе, хотя бы и самое легкое, является плохимъ воспитательнымъ средствомъ.

„Вступающій въ тотъ или другой изъ нашихъ домовъ

долженъ принести въ душѣ своей добровольное согласіе подчиняться дисциплинѣ этого дома. Хотя и твердая, дисциплина эта кротка, и всѣ отношенія носятъ семейный характеръ. Различія политическія, религіозныя или національныя не принимаются въ расчетъ. Несчастіе человѣка, его духовная или тѣлесная нищета — вотъ единственное право на нашу симпатію. Всѣмъ, кто желаетъ подняться, мы протягиваемъ руку, будетъ ли причиною ихъ паденія собственная ошибка или стеченіе обстоятельствъ, независимое отъ ихъ воли.

„Другой нашъ существенный принципъ—возрожденіе человѣка при помощи *труда*, какъ единственное средство поддержать въ немъ чувство собственнаго достоинства или вернуть ему утраченные. Дѣло это не легкое: долговременная безправственная жизнь убиваетъ всякую привычку къ работѣ и порядку. Но въ этомъ, какъ и во всемъ, примѣръ заразителенъ, и мало-по-малу у нашихъ пансіонеровъ появляется не только привычка, но и охота къ полезнымъ занятіямъ.

„Какъ свободенъ входъ въ наши учрежденія, такъ ничѣмъ не стѣсненъ и выходъ. Никого не удерживаютъ насильно; мы надѣемся исключительно на собственное сознаніе cadaго, на постепенное пробужденіе совѣсти, на божественное дѣло, совершающееся въ сердцахъ, которыя обращаются къ свѣту и хотятъ идти по истинному пути. Въ этихъ цѣляхъ мы стараемся раздуть Божью искру, таящуюся на днѣ каждой человѣческой души, даже самой опозоренной. Мы вѣримъ въ преображеніе личности силою Божіею и имѣемъ на лицо факты, доказывающіе, что привычки полнѣйшей чистоты, честности и правдивости могутъ быть созданы у тѣхъ, которые были рапѣ самыми жалкими и гнусными существами.

„Никакихъ репрессій въ религіозномъ отношеніи не производится на пансіонеровъ. Они свободны присутствовать или нѣтъ на нашихъ собраніяхъ. Мы относимся одинаково ко всѣмъ, какихъ бы они ни были убѣжденій, иначе можетъ явиться симуляція набожности, что было бы еще однимъ лишнимъ порокомъ въ добавленіе къ тѣмъ, отъ которыхъ мы стараемся освободить ихъ.

„Преобладающая идея въ планѣ генерала Бутса такова:

помогать всякому, кто бы онъ ни былъ, избавиться отъ его порока, если онъ этого желаетъ, и съ этою цѣлью поставить его въ такія условія, при которыхъ онъ могъ бы выработать самъ свое возрожденіе“.

Теперь еще о пріютахъ для падшихъ женщинъ.

„Эти учрежденія не смирительные дома; они вовсе не ходятъ на тюрьмы или монастыри. Посѣтители бывають удивлены обиліемъ свѣта и радости, которое встрѣчаютъ тамъ. Каждый домъ уютенъ, обильно снабженъ воздухомъ и окруженъ садомъ, гдѣ могутъ сидѣть и шить дѣвушки въ тѣни деревьевъ.“

„... Въ нашихъ пріютахъ, гдѣ проводятъ по 6—8 мѣсяцевъ, эти дѣвушки находятъ исключительную среду, гдѣ забываютъ прошлое и набираются энергій, чтобы вступить въ жизнь на новыхъ началахъ. Не поверхностна и временна та помощь, которую мы имъ предлагаемъ; наша цѣль выше. Мы хотимъ пробудить въ нихъ ту нравственную силу, которая составляетъ все цѣнное въ человѣкѣ. Всѣ наши усилія пропали бы даромъ, всѣ добрые совѣты и увѣщанія не повели бы ни къ чему, еслибъ не могла возродиться эта сила. Многія поскользнулись при самомъ началѣ своего жизненнаго пути; надо не только протянуть имъ сильную руку помощи, надо еще открыть передъ ними новый горизонтъ, зажечь въ нихъ духовный огонь, стимулъ для честныхъ поступковъ, идеаль.“

„Мы желали бы сказать всѣмъ нашимъ сестрамъ, находящимся въ такомъ положеніи: „Вѣрьте, вы можете вновь найти вашу утраченную чистоту, начать сызнова жизнь!“; потому что мы вѣримъ въ христіанство, исцѣляющее недуги, возрождающее людей. И вотъ, поднимая въ нихъ чувство собственнаго достоинства, мы хотимъ открыть имъ путь къ такому высокому идеалу, о какомъ, быть можетъ, онѣ даже не слыхали. Мы хотимъ возвратитъ имъ счастье обладанія чистою совѣстью. Мы стараемся полными горстями сѣять радость, лишь солнечный свѣтъ, въ такія существованія, которыя до сихъ поръ были темны и безотрадны. Задача эта могла бы показаться химерическою, еслибъ опытъ не доказывалъ намъ полную возможность ея осуществленія. Множество дѣвушекъ вернулось въ свои семейства или поступило на мѣста, благодаря нашимъ усиліямъ“.

А вотъ еще замѣчательная маленькая подробность:

„Всѣ учрежденія Арміи Спасенія открыты для посѣтителей отъ 3-хъ до 6-ти часовъ пополудни“.

Какая честная и безбоязненная гласность! Эти, какъ видно, не имѣютъ причинъ загораживать свои дѣла и порядки отъ посторонняго взгляда...

Къ сожалѣнію ни одного изъ такихъ домовъ нѣтъ въ Греноблѣ, и въ концѣ концовъ повтореніе однообразныхъ молитвъ и гимновъ, безъ церковнаго освященія, безъ таинствъ, перестало меня интересовать. Общество послѣдователей салютизма—тоже. Большинство этихъ „спасенныхъ“ нисколько не отреклось отъ стараго міра, а преспокойно ведетъ буржуазное житье-бытье, и я имѣла случай замѣтить, что нѣкоторыя старухи, давно „отдавшія себя Богу“, такъ же мелочно-жадны и злы, какъ худшія представительницы французской націи изъ мірскихъ. Есть, правда, свѣтлыя и искреннія личности, которыя были бы дороги во всякой религіи, но ихъ немного. Интеллигентовъ здѣсь почти нѣтъ. Это конечно не вездѣ. Пріѣзжающіе члены Арміи — люди образованные. Въ газетѣ *En avant* помѣщаются иногда статьи высокаго достоинства, просвѣщеннаго и христіанскаго духа. Я говорю лишь о тѣхъ послѣдователяхъ салютизма, которыхъ знала.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже ходила я на собранія, и офицеры, замѣтивъ это, охладѣли ко мнѣ. Вѣроятно они надѣялись, что я примкну къ нимъ прочно и даже облегчу имъ доступъ въ Россію; бывали намеки подобнаго рода. Разочаровались въ этомъ, и, понятно, перестали мною интересоваться. Къ тому же и М—яны ничѣмъ существеннымъ не помогли имъ.

Впрочемъ я еще получила разъ приглашеніе на *агану*, какъ они выражаются, или *сабѣ жюеих*. Ну, что это была за агапа! На эстрадѣ, паряженныя по праздничному дѣти распѣвали нравственныя пѣсенки, поясняя наглядно смыслъ ихъ подходящими тѣлодвиженіями, мимикой. Потомъ всѣ пили плохой кофе „съ веселымъ духомъ“, кое-гдѣ, по кружкамъ, веселость ужъ даже слишкомъ походила на мірскую, приходилось вмѣшиваться адъютантѣ. Раньше молитвенное настроеніе объединяло людей, а при отсутствіи его невѣжество и мѣщанство гренобльскаго салютистскаго „прихода“ сказались ярко.

Съ тѣхъ поръ мы съ салютистами обмѣниваемся только

поклонами при встрѣчѣ. Я никогда не обѣщала имъ, да и не могла обѣщать, ни того, что я „перейду въ ихъ вѣру“, ни того, что введу ихъ въ Россію, тѣмъ не менѣе у меня осталось такое ощущеніе, какъ будто бы я ихъ въ чемъ-то обманула. Въ одномъ изъ своихъ поученій адъютантъ пустилъ намекъ о „нѣкихъ людяхъ, которые, начавъ итти по пути спасенія, останавливались и сворачивали съ него, на погибель своимъ душамъ“.

И я увѣрена, что добрый адъютантъ искренно жалѣеть мою душу.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

Уважаемый другъ!

Пишу изъ Марсея. Вчера прѣѣхалъ сюда Себастьянъ Форъ, ораторъ, и сегодня на его лекцію сбѣжалась толпа. Вездѣ, гдѣ онъ проѣзжаетъ, на его лекціяхъ бываетъ давка, аудитория не вмѣщаетъ публики. Форъ—выдающийся талантъ, но при этомъ онъ убѣжденный врагъ христіанства, всѣ его выступления имѣютъ цѣлью—уничтоженіе вѣры въ людяхъ; успѣхъ онъ здѣсь имѣетъ громадный и такую же извѣстность. Какое счастье, что у насъ въ Россіи подобный Форъ невозможенъ! Есть множество маленькихъ Форовъ, но такому крупному соблазпителю еще нѣтъ къ намъ пути... Слава Богу!

Жаль соблазняемыхъ.

Меня лично не тревожитъ появленіе этого господина, потому что на душѣ миръ: живу подъ кровомъ нашей церкви, которую я нашла здѣсь. Она, собственно, не наша,—греческая, но конечно православная, православнѣе многихъ русскихъ. Все въ ней для меня прекрасно и трогательно. Напримѣръ, простота отношеній и смиреніе іерарховъ. Заслуженный, аскетическаго вида архимандритъ ничѣмъ не отличается отъ простаго іеромонаха, кромѣ болѣе горячей, строгой, одухотворенной службы. Никакой пышности въ одеждахъ, ни митры, ни особаго сидѣнья для него нѣтъ, и кадятъ ему ровно столько же, сколько всемъ прочимъ. Уваженіе къ его сану и личности велико, но оно живетъ въ сердцахъ, выражаясь въ безусловномъ повиновеніи каждому его замѣчанію въ церкви (опъ не стѣсняется, замѣчать, если видитъ непо-

рядки), въ томъ, что при встрѣчѣ всѣ греки и гречанки цѣлуютъ его руку, и проч. Во время же службы вся честь и все поклоненіе воздается одному Богу; архимандритъ, настоятель подворія, такой же священнослужитель, какъ и прочіе. Затѣмъ, чрезвычайно трогателенъ обычай греческихъ священниковъ произносить слова: „Горѣ имѣемъ сердца!“ и „Благодаримъ Господа!“ стоя въ царскихъ вратахъ лицомъ къ народу и воздвѣвая руки къ небу. Царскія врата почти никогда не затворяются, иконостасъ низкій. Сколько во всемъ этомъ подлиннаго, древняго православія! Церковь скромна и затеряна въ ряду другихъ домовъ, но что за нужда! Когда знаешь, что она есть, что она тутъ, не хочется и заглядывать въ великолѣпныя католическія храмы...

Храпи Господи исполненіе Церкви Твоя, и не дай намъ дожить до того, чтобъ стали разрушать наши святыни, какъ разрушаютъ теперь католическія!

Въ Гребоблѣ, на углу одной изъ его свѣтлыхъ, широкихъ улицъ, стояла часовня изъ сѣраго камня теплаго тона, обитая по углу густымъ столбомъ зеленого плюща. Готическая съ черною крышею, она походила на маленькую церковь. Въ ней уже не служили, но она была совсѣмъ цѣлая и красиво замыкала собою рядъ большихъ бѣлыхъ домовъ. И вотъ въ одинъ день пришли каменотесы съ кирками и начали разбивать эту красоту. Крѣпкая кладка съ трудомъ поддавалась; эта возмутительная работа продолжалась долго... Сперва пробили зіяющее отверстіе, точно рану, въ стѣнѣ, потомъ депъ за днемъ, отверстіе стало увеличиваться и стѣна—понижаться „обнажая священную внутренность зданія, и такъ шло, пока все не было разрушено и сравнено съ землею. Вскорѣ на мѣстѣ изящной часовни выросъ каменный домъ, многоэтажный и доходный...

По поводу этихъ сломокъ, т. е. предшествовавшего имъ „закрытія“ церкви у Бурже есть нѣсколько интереснѣйшихъ сценъ въ его пьесѣ *l'Émigré*. Вотъ ея содержаніе.

Молодой республиканскій офицеръ, дворянинъ и маркизь, внутренне тяготящійся роялистическими традиціями своей семьи, и безцѣльнымъ будированіемъ новаго режима, узнаетъ неожиданно, что онъ—не сынъ вѣжно имъ любимаго и вѣжно любящаго его, стараго маркиза. Отецъ ничего не знаетъ. и юноша въ отчаяніи. Не желая безчестить память своей

матери, и наносить ударъ сердцу пріемнаго отца, онъ рѣшается уѣхать, оторваться отъ семьи навсегда. Но какъ это сдѣлать? Случайъ вскорѣ представился. Молодого челоуѣка назначили командовать отрядомъ солдатъ при закрытіи одной церкви (въ виду возможнаго сопротивленія прихожанъ), и онъ не отказался, какъ это сдѣлалъ другой, назначенный ранѣе его офицеръ. Онъ отказался бы не колеблясь при другихъ обстоятельствахъ, но теперь эта командировка давала ему нужный предлогъ для разрыва.

Въ это время входитъ съ открытыми объятіями, старый маркизъ. Онъ ласковъ, онъ радъ. Ему и ранѣе непріятно было, что сынъ служить республикѣ....—Теперь все устраивается, думаетъ онъ, для сына нѣтъ другого пути, какъ оставить службу, не согласится же онъ участвовать въ преступленіи, въ кощунствѣ! Но сынъ отвѣчаетъ ему, что согласился. Старикъ пораженъ. Происходитъ тяжелая сцена. Оба расстаются измученные, не уступивъ другъ другу и не понимая одинъ другого.

Но маркизъ не уѣзжаетъ. Онъ идетъ прямо къ церкви и послѣ короткаго разговора съ аббатомъ, встаетъ на порогѣ ея. Аббатъ тоже измученъ тяжелыми обстоятельствами и объясненіемъ съ нѣкоторыми изъ своимъ прихожанъ, жаждавшихъ активной борьбы, что могло лишь ухудшить дѣло.

Враги появляются. Подъѣзжаетъ взводъ солдатъ съ молодымъ маркизомъ во главѣ; тутъ же мэръ и правительственный комиссаръ. Приказываютъ отпереть церковь; аббатъ отказывается выдать ключи. Посылаютъ за слесаремъ; тотъ отвѣчаетъ, что у него ревматизмъ свелъ пальцы. По требованію комиссара офицеръ отдастъ распоряженіе солдатамъ выломать дверь. Но на порогѣ съ вызывающимъ видомъ стоитъ маркизъ; его необходимо отстранить. Лишь только грубая рука солдата коснулась плеча старика, сердце молодого офицера не выдержало: онъ громко скомандовалъ: „назадъ!“ и не смотря на угрозы комиссара, ускакалъ вмѣстѣ съ солдатами, готовый принять наказаніе за свою вину.

Интересна здѣсь роль аббата. Сколько надо такому духовному лицу ума и такта, чтобы съ одной стороны сдерживать въ границахъ неумѣстную воинственность и возбужденіе нѣкоторыхъ прихожанъ, съ другой—сохранить достоинство

пастыря, и не сдѣлать ни одной малодушной уступки притѣснителямъ, кромѣ необходимаго!

Католическихъ патеровъ обвиняютъ давно и во многомъ, и когда греческій іеромонахъ говорилъ мнѣ: „удаляйтесь отъ патеровъ,—демоны“, то онъ, конечно, имѣлъ основанія говорить это. Но, я думаю, больше виноватъ неправильный курсъ, взятый духовнымъ начальствомъ, антихристіанскій курсъ борьбы мірскими средствами, ведущій къ раздору, издавна, къ несчастью, присущій католичеству. Болѣе благо-разумнымъ и христіански-кроткимъ изъ духовныхъ приходится переживать горькія минуты. Причинъ для этого, внѣшнихъ и внутреннихъ, болѣе, чѣмъ достаточно.

Кажется, что въ деревенскихъ приходяхъ существуетъ большая нищета причта; священники нѣкоторыхъ изъ приходо-въ настояще подвижники. Мнѣ встрѣтился одинъ такой на перекресткѣ. Старый, худенькій, жалкій въ своей убогой сутанѣ. Онъ остановился было, поджидая, когда я пройду, но увидѣвъ, что я также остановилась, быстро и конфузливо шмыгнулъ мимо, чтобъ не задерживать меня. Боже, сколько смиренія было въ его опущенной, сѣдой головѣ! Нѣтъ, не надо огульно судить даже патеровъ. Конечно есть въ городѣ и франты - аббаты, сытые, самодовольные, которые, проходя по улицѣ, оставляютъ за собой въ воздухѣ аромать дорогихъ духовъ. Но эти не интересны.

Впрочемъ, развѣ можно знать, кто Божій, кто—нѣтъ? Помните Вы то время, когда въ Россіи, казалось, не было уже ни одного вѣрующаго человѣка изъ интеллигентовъ? Но неволь вспоминался тогда совѣтъ Достоевскаго: „еслибъ осталось 'только двое вѣрующихъ, ты все таки вѣрь“... А между тѣмъ... лишь только Духъ повѣялъ—почему, откуда, не знаю!—точно зеленія иголки травы изъ оттаявшей земли, весною, появились признаки присутствія христіанскаго сознанія у такихъ людей, отъ которыхъ этого никонимъ образомъ нельзя было ждать. Какъ отраднo бываетъ уловить мимолетно такой признакъ! Помните, въ 1907-мъ году, состоя на службѣ земства, я пришла къ обѣднѣ въ великую Субботу и съ удивленіемъ увидѣла, что говѣли нѣкоторые изъ лѣвыхъ и нѣкоторые еще, кого я считала безразличными въ вѣрѣ. Общее безвѣріе давно тяготило мою душу, и на этотъ разъ мнѣ стало такъ радостно, что я какъ бы

глубоко прочувствовала вмѣстѣ съ причастниками ихъ настроеніе. При выходѣ изъ церкви, кто-то спросилъ меня: „Вы говѣли нынче?“—Нѣтъ, да все равно: говѣли другіе, отвѣтила я разсѣянно, и лишь по удивленному взгляду собеседника поняла, что отвѣтъ мой былъ въ сущности нелѣпъ. Но онъ не былъ такимъ для меня.

Еще бываетъ отрадно—не знаю, испытали ли Вы это?—мимолетное, но теплое, братское общеніе душъ съ нѣкоторыми, случайно встрѣченными, милыми людьми. Нѣсколько словъ, взглядовъ, полныхъ взаимнаго пониманія, иногда—слиянiе въ общемъ чувствѣ молитвы или состраданія... И только. Блеснула на минуточку родственная душа и оставила по себѣ теплую память. Объ имени другъ друга не спрашивали. Зачѣмъ? Имя, общественное положеніе—это уже другой кругъ повятій, „врата пошлости“...

Прекрасно дѣйствіе христіанской любви и сердечнаго сочувствія въ самой, казалось бы, незначительной даже формѣ, или, вѣрнѣе, нѣтъ для этого незначительныхъ формъ. Проявленіе любви порождаетъ благодарность, не ту нудную, иногда тягостную память одолженія, а порывъ окрыленной, свѣтлой благодарности, возносящій душу горѣ, къ источнику любви. Такъ у одной моей знакомой заболѣлъ—уже не въ первый разъ—нервнымъ разстройствомъ отъ переутомленія сынъ ея, студентъ. Женщина эта ходила постоянно въ одну и ту же церковь, не будучи прихожанкой. Съ священникомъ мало была знакома; такъ, случалось обмѣняться нѣсколькими словами въ церкви. Знала, что священникъ—простой и кроткій человекъ, молитвенникъ, подавала ему поминанье: все одно и то же, дорогое ей имя. Священникъ тоже зналъ, какъ и всѣ, ея одиночество и тревогу за сына. Однако жъ она вовсе не была жертвовательницей и, слѣдовательно, по общепринятому взгляду, никакихъ правъ на особое вниманіе не имѣла.

И вотъ, удрученная извѣстіемъ о новой болѣзни сына моя знакомая, подаетъ передъ службой обычное поминанье, самому священнику, говоря:

— Плохо! Онъ опять боленъ... и передъ самымъ экзаменомъ...

Затѣмъ—стоитъ она за обѣдней съ другими молящимися и слышитъ—послѣ молитвы за Царя, священникъ въ царскихъ вратахъ начинаетъ другую:

— Владыко Вседержителю, наказуй и умерщвляй...

— Думаю, рассказывала она мнѣ послѣ, думаю, вѣрно архіерею понездоровилось... И вдругъ слышу имя моего сына! Это его поминаетъ священникъ, за него молятся міряне! Что я пережила, какая отрада, надежда, благодарность охватили меня, я не въ силахъ передать!

Она плакала, рассказывая это.—Отмолили мы сына и на этотъ разъ. Поправился...

Именно въ такія минуты чувствуешь, что есть Богъ. Обычно сомнѣваешься, иногда ропщешь, антиноміи мучать, власть зла мучить, а такая минута—она вдругъ все и докажетъ и успокоить...

О всѣхъ этихъ русскихъ впечатлѣніяхъ я раздумываю, сидя часами въ музеѣ Лоншанъ, передъ любезною мнѣ скульптурой. Какое разнообразіе проявленій жизни и творческой мысли въ этихъ мраморныхъ группахъ! Какъ много въ нихъ общечеловѣческаго! Не всѣ онѣ благородны: вотъ группа на евангельской, казалось бы, сюжетъ, а возвышеннаго въ ней ничего нѣтъ; названіе „Les vierges folles“; и точно буи, десять голыхъ и противныхъ менадъ нелѣпо выгибаются передъ закрытыми дверями. Другой барельефъ—сценка изъ жизни, но полная чистоты и красоты. Это—дѣвочки у піанино. Одна играетъ, но ее почти не видно, видны только руки да лицо, поднятое къ нотамъ. Ее обступили и заслонили собой другія дѣвочки подростки въ блузахъ и пелеринахъ. Гладкія головки, косы на спинѣ, нѣжный овалъ щекъ, округлость плечъ, небрежныя и вмѣстѣ внимательныя позы—все полно юности, самой очаровательной, едва вступающей въ жизнь. Видно, что только на время веселый рой ихъ остановился тутъ. Мигъ—и онѣ вспорхнутъ и разбѣгутся. Необыкновенно изящно сдѣланы всѣ детали. Играющая дѣвочка видимо старается съ напряженіемъ всматривается въ ноты. Листки нотъ на пюпитрѣ, слегка загнутшіеся съ угла, подсвѣчникъ, привинченный къ инструменту, край піанино, сильно выступающій изъ доски—создаютъ полную иллюзію. Точно заглянешь въ уголокъ чьего-то милаго домашняго быта.

Почему-то здѣсь очень часто встрѣчаются скульптурныя и живописныя изображенія мученика Севастіана; изъ множества ихъ мнѣ понравилось лишь одно, и то довольноно.

странное: изображенъ вовсе не римскій центуріонъ, а кроткій, спокойный юноша въ средневѣковой одеждѣ и беретѣ. Есть у западныхъ художниковъ эта манера. Возьмите „Юдию“ Боттичелли. Почему она Юдию? Просто хорошенькая женщина, и ничего въ ней трагическаго. Идетъ себѣ... Дали ей въ руки мечъ и назвали Юдию. Вотъ и этотъ милый юноша конечно ничего общаго не имѣетъ съ христіанскимъ героемъ. Но онъ хорошъ очень самъ по себѣ.

Удивительна живопись на одной изъ четырехъ большихъ вазъ, стоящихъ въ вестибюлѣ второго этажа. Тема—„Ужасы войны“. И точно: не пройдешь равнодушно мимо. Въ заревѣ пожаровъ скачутъ дикіе всадники съ трофеями; трофеи—отрубленные головы мужчинъ, женщинъ, ухваченные за волосы, все написано художественно, все и реально и вмѣстѣ символическое. Конечно, это не современная война съ пушками и броненосцами, это какъ бы самый *духъ войны*, всегда одинъ и тотъ же. Вдали—разоренныя села, на поляхъ—трупы людей, лошадей... Въ воздухѣ рѣютъ вороны, черные на золотисто-огненномъ фонѣ. Нѣчто зловѣщее... И не хочется послѣ этого смотрѣть на остальные три вазы съ написанными на нихъ изящными цвѣтами.

— Будетъ вамъ сидѣть въ музеѣ, — говорятъ мнѣ знакомые, — посмотрите окрестности. Были вы въ гротѣ? Непременно поѣзжайте: какъ это, жить здѣсь и не побывать въ гротѣ!

Гротъ этотъ, съ капеллой надъ нимъ, находится въ двухъ часахъ ѣзды отъ города. Мѣстность красивая и освященная легендой, своего рода провансальскій Лурдъ. Мнѣ туда дѣйствительно не удалось попасть, да и не люблю я этихъ католическихъ Лурдовъ. Но по окрестностямъ съ удовольствіемъ побродила.

Окрестности прелестны. Пойдешь къ морю отъ предмѣстья Мазаргъ, мимо большого полуразрушеннаго завода (тутъ добывали сѣру) и вскорѣ очутишься среди бѣлыхъ холмовъ и скалъ. Въ началѣ есть еще деревья, кусты; дальше—однѣ зонтичныя сосны, да верескъ, цвѣтуцій зимою. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ горы бесплоднѣе отъ дѣйствія морскаго воздуха. Жесткій, низкій кустарникъ зеленеетъ по нимъ пятнами, трава желтовато-сѣрая или бѣлая, жесткая тоже, попадается кое-гдѣ. А дальше—все кругомъ

бѣлыя горы, скала за скалой, ничего кромѣ ихъ не видно, точно въ пустынѣ. По каменистымъ уступамъ и крутымъ подъемамъ вьется дорога, по которой нельзя проѣхать въ экипажѣ.

Осторожно пробирается тутъ бодрый маленькій осликъ, обвѣшанный корзинами съ рыбой, а рядомъ идетъ, въ жилетѣ и шляпѣ, покуривая трубку, его хозяинъ, рыбакъ. За ними бѣжитъ собака. Или охотники, въ такихъ же костюмахъ, ползаютъ съ собаками по горамъ. Но вотъ межъ двухъ скалъ блеснула яркая синева моря,—ближе, шире,—видишь берегъ: бѣлыя скалы врѣзываются въ эту синеву выступающими крутыми обрывами, у воды рыбацкая избушка на сваяхъ, лодки качаются и все залито южнымъ солнцемъ.

Тутъ путника могутъ угостить свѣжей рыбой, и самой, для насъ, необыкновенной: спрутами, крабами и разными *fruits de la mer*, порядочной гадостью. Гуляя у берега, даже вблизи Марсея, можно видѣть какъ бѣднота, большею частью итальянская, ловить эти фрукты, стоя цѣлый день въ водѣ близъ берега, на камняхъ, и обшаривая эти камни руками.

Однажды встрѣтили мы славную итальянку-рыбачку; перегибаясь отъ тяжести, она несла въ рукѣ большого осминога (спрута); несла за голову, а концы его безобразныхъ лапъ тащились по землѣ.

— Удачная ловля! — сказалъ гулявшій съ нами французъ. — Хорошій супъ сварить она семейству.

Ходили мы также за городъ въ противоположную сторону, по направленію къ Эксу. Долго брели по бесплодной горѣ, усѣянной мелкимъ камнемъ. Непріятно. Были въ сосновой рощѣ, устланной опавшею хвоей и похожей на наши, русскія рощи; не даромъ такъ много крѣпкихъ рыжиковъ продается въ Марсель. За рощей опять заброшенный заводъ, обширный и еще почти новый. Кто-то предпринималъ разведеніе кроликовъ *en grand*, но всѣ его кролики перемерли отъ эпидеміи; онъ дезинфицировалъ зданія, развелъ кроликовъ вновь — и второй разъ болѣзнь извела ихъ. Хозяинъ былъ разоренъ и покинулъ несчастливое мѣсто.

Въ подобныхъ заброшенныхъ зданіяхъ, а ихъ много вблизи Марсея, живутъ апаши, что дѣлаетъ прогулки рискованными, особенно подъ вечеръ.

Форъ уѣхаль, и вмѣсто его объявленій наклеены теперь объявленія о предстоящемъ грандіозномъ боѣ быковъ. Вотъ уже этой потѣхой увлекаются марсельцы до страсти. Боями, а не театромъ. Да и какой здѣсь театр! Идейныхъ пьесъ нѣтъ, одна *плоть* въ разныхъ комбинаціяхъ. А противъ боя быковъ опасно даже и говорить здѣсь: рискуешь получить дерзость.—Вы этого не понимаете, отвѣчаютъ вамъ; чтобъ чувствовать наслажденіе зрѣлищемъ боя надо имѣть южную кровь, горячую... И сами, говоря это, воспаляются... чудачки! Но они правы въ томъ смыслѣ, что привычка къ боямъ дѣйствительно впиталась въ кровь испанцевъ и южныхъ французовъ. Въ Пиринейскихъ горахъ, которыя болѣе отлоги, чѣмъ Альпы, и покрыты травой, мальчики пастухи пасутъ стада и коротаютъ свои досуги тѣмъ, что устраиваютъ примѣрные бои съ молодыми бычками, „ввѣренными ихъ попеченію“. Раздразненный бычекъ, хотя и молодой, можетъ быть опасенъ, но мальчишки эти съ изумительнымъ хладнокровіемъ и ловкостью проскальзываютъ между его ногъ, увертываются отъ роговъ, вскакиваютъ ему на спину и прямо сбиваютъ его съ толку безчисленными своими выкрутасами.

Безснѣжная зима кончается, и намъ пора уѣзжать съ юга. Не жалѣю объ этомъ. Средній типъ южанина-франпуза мнѣ не понравится. Русскихъ же здѣсь мало, и изъ нихъ часть отравлена Ниццей. Да, Ницца съ ея роскошью, увеселеніями праздной и блестящей жизнью прямо отравляетъ людей, вкусившихъ всей этой сладости. Тянутся за богачами, входятъ въ аристократическій кругъ, разоряются, а потомъ, получивъ мѣсто въ Марселѣ или другомъ городѣ, томятся скукой и недовольствомъ, стремленіемъ какъ-нибудь развиться, устроить выгодную аферу, и опять вернуться въ Ниццу къ полной чашѣ радостей...

Помимо этихъ есть въ Марселѣ еще наши эмигранты: бѣдные художники, студенты поляки, студентки изъ евреекъ, но ихъ немного. Люди интересные; ютятся они на берегу моря на горѣ, въ хорошенькихъ и оригинальныхъ комнатахъ, но страшно холодныхъ, особенно когда вѣтеръ несетъ съ моря и волны хлещутъ внизу, точно на дыбы поднимаются. Въ такую погоду только зайти къ соотечественникамъ, пробравшись по узкой, какъ корридоръ въ двухъ каменныхъ стѣнахъ, улицѣ—и то не шутка. Свиститъ вдоль

такой улицы холодный вѣтеръ, пронизываетъ васъ насквозь. Вдобавокъ и найти этихъ отшельниковъ не легко: горный берегъ, гдѣ они живутъ, представляетъ собою лабиринтъ узкихъ улочекъ, узкихъ и крупныхъ каменныхъ лѣстницъ, уступовъ; все это сжато въ каменныхъ, не высокихъ, но глухихъ, стѣнахъ заборовъ. За заборами—садики, въ которыхъ стоятъ дома. Есть дома и безъ садиковъ, тѣ совсѣмъ средне-вѣковые, мрачные. Въ добавокъ ко всему жить тутъ можетъ эта молодежь лишь зимою: на лѣто пріѣзжаютъ туристы, и цѣна приморскихъ квартиръ сразу вырастаетъ неимоვნно. Надо искать другихъ дешевыхъ помѣщеній.

Такъ и живутъ бѣдняги: à la guerre comme à la guerre. Подвижники... лишь, увы! съ душой, помраченной лукавыми ученіями враговъ христіанства...

А. Купреянова.
